

УДК 276

Архимандрит Зосима (Шевчук С. В.)

Archimandrite Zosima (Shevchuk S. V.)

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО
НАСЛЕДИЯ СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА, КАСА-
ЮЩИЕСЯ ВРЕМЕНИ ЕГО ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ И ЭКЗЕГЕТИ-
ЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАТВОРЕ. ЧАСТЬ 2**

**AUTOBIOGRAPHIC NOTES FROM THE EPISTOLIC HERITAGE
OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE, CONCERNING THE TIME
OF ITS TRANSLATION AND EXEGETIC ACTIVITIES IN THE
SHUTTER. PART 2**

Аннотация. Статья касается заключительной части переписки святителя Феофана с Николаем Васильевичем Елагиным. В ней рассматриваются интересные автобиографические подробности жизни святого в затворе в Вышенском монастыре и его работе над толкованием Новозаветных Посланий апостола Павла и переводе аскетических творений отцов Церкви, включая известное Добротолюбие. Затрагивается отношение епископа-затворника к некоторым современным ему проблемам российского общества.

Abstract. The article concerns the final part of the correspondence between Saint Theophan and Nikolai Vasilyevich Elagin. It deals with interesting autobiographical details of the life of the Saint in recluse in the Vyshensky monastery and his work on the interpretation of the New Testament Epistles of the Apostle Paul and the translation of ascetic works of the Fathers of the Church, including the famous Filokalia. The author touches upon the attitude of the reclusive Bishop to some contemporary problems of Russian society.

Ключевые слова: Феофан Затворник, Николай Елагин, переписка, монастырь в Выше, Новый Завет, толкования, аскетические творения, апостол Павел, Послания, Древние иноческие уставы, Добротолюбие, здоровье.

Key words: Theophan the Recluse, Nikolai Elagin, correspondence, monastery at the Vysha, New Testament, exegesis, ascetic works, apostle Paul, Epistles, Ancient monastic regulations, Philokalia, health.

10 октября 2019 года прошли XIII Феофановские чтения, участником которых я был также. Владыкой митрополитом Климентом тогда была заявлена общая тема: «Святитель Феофан Затворник, 125-летие со дня кончины». И мною был подготовлен доклад, посвящённый переписке святителя Феофана с Николаем Васильевичем Елагиным. В нём рассматривались тогда важные автобиографические подробности жизни святого в затворе в Вышенском монастыре и его работы над толкованием Новозаветных Посланий апостола Павла, а также над переводами аскетических творений отцов Церкви, включая известное Добротолюбие. Тогда мною была подготовлена и озвучена лишь первая часть задуманной работы. Сейчас предлагается мною и вторая часть.

В прошлый раз мы лишь несколько затронули переписку епископа Феофана с Н. В. Елагиным (1817–1891 гг.), поскольку она отчасти проливает свет на умонастроение и некоторые творческие планы святителя относительно его работы над составлением указанных толкований к Священному Писанию Нового Завета и отеческих творений.

Это был период затворнической деятельности епископа Феофана, когда создавалось то, что можно было бы назвать «золотым фондом» творческого наследия святого. Кроме собственно толкований на Священное Писание (впоследствии из этого сформировалось русское Добротолюбие) сборник святоотеческих аскетических трудов по общему примеру и принципу Добротолюбия греческого. Кроме того, из переведенного материала составились и другие книги. К их числу относятся «Древние иноческие уставы», вышедшие в Москве в 1892 году изданием Русского Свято-

Пантелеимонова монастыря на Афоне. Сам автор перевода в «Предисловии» к «Уставам...» прямо об этом и пишет:

«Первоначально предполагалось из древних иноческих уставов составить второй том Добротолюбия: и они тогда же были заготовлены. Но потом старцы Русского на Афоне монастыря, взявшие на себя издание Добротолюбия, нашли более пригодным дать уставам сим место в конце Добротолюбия, или издать их особою книгою: что теперь и исполняется» [1].

Еще одним трудом, относящимся к этому же периоду, стал перевод епископом Феофаном «Невидимой брани». В «Предисловии» к изданию Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, вышедшему в 1904 году, святитель отмечает принципы, которыми он руководствовался в своей работе:

«В подлиннике сей книги, в заглавии ее значится, что книга составлена другим лицом, неким мудрым мужем, старец же Никодим только пересмотрел ее, исправил, дополнил и обогатил примечаниями и выписками из святых отцов, подвижников. Поэтому старцу Никодиму она принадлежит больше по духу, чем по букве. При переводе сей книги сочтено более пригодным примечания и свидетельства отеческие внести в текст, а по причине этого приходилось иной раз изменять слова книги для улучшения ее стиля, что допускалось иногда и без этого. Поэтому предлагаемую книгу следует почитать не столько переводом, сколько вольным переложением» [2, с. 5].

В прошлый раз мы закончили на письме, в котором автор жалуется Н. В. Елагину на быструю потерю зрения в правом глазу. Оно датировано 12 марта 1879 года. С этого времени по большей части лишь письма, касающиеся неотложных и важных дел, не содержат пометок святителя Феофана о состоянии зрения и вообще здоровья. Некоторые из них посвящены этой теме полностью. К тому же связанное с приближающейся старостью общее ослабление физических сил сказывается на состоянии святителя. Правда, по своему смирению, он в шутливой манере называет это лишь его «леностью», но общее впечатление от этого лучшим не становится. По состоянию здоровья епископ Феофан отказывается от приглашения поехать в Японию.

«Владыка ваш пишет к тамбовскому, что о. Николай японский

(будущий св. равноапостольный архиепископ Николай — а. 3.) просит предложить вышенскому, не согласится ли он потрудиться в Японии. Вышенский отписал тамбовскому, что не хочет: поясница грызет. Слепому куда ехать? А потом отписал то же и питерскому...

...Глаз никакой боли не имеет, а только ослабел и наполовину против левого хуже видит. В Тамбове есть один доктор — тамошняя знаменитость — у немцев учился. Я — туда. Знаменитость в два приема исследовала глаз — и просто при дневном свете, и при лампе с какими-то стеклышками. И нашла, что в глазе началась катаракта.

Итог поездки: сидеть и ждать, пока ослепнет правый глаз. Тогда подрезать катаракту, и зрение может воротиться, может быть в прежней силе, а может быть и не в прежней. Потом будто и левый начнет слепнуть, и с ним должна пройти та же история. Всяко в настоящее время ничего не остается, как сидеть у моря и ждать погоды. Для операции надо будет отправиться в Москву» [6, с. 117–118].

«Удивили вы меня, помянув о начинаемом труде. Это — далекая песня. Еще послание к Евреям надо кончить, а к нему никак не приступишь. Кончу — тогда. А дотоле будем гадать лишь.

Приписать что-либо еще не имею. Теперь ничего не делаю. Лечусь молоком.

...На гулянках пересматривал кое-что об иконопочитании, — и истории иконоборства. Писать же ничего не хочется. Сибаритствую» [6, с. 147].

«Глаз мой почти закрылся. Но другой бодрится. Прочее здоровье в порядке. Что будет писать о. Матвеевский, — готов перечитывать. Но он когда распишется, гладко и дельно будет писать» [6, с. 148].

«Афон! Бог благословит, если есть охота. Мне же совсем не приходит желания побывать на нем.хлопотно. А солнце-то там, солнце! И здоровые глаза потеряешь» [6, с. 149].

«Виноват! Провинился. Вы спрашиваете, уж не болен ли? Совершенно разбит, ни рукою, ни ногою, ни глазами, ни языком повернуть не хочется, настоящий паралич, — от ударов лениности.

...У меня вся энергия писательская размылась. Да и глаза. Но

главное это: *хоть трава не расти*. Кажется бы, можно еще трудиться. Годы не невесть какие. А вот!

Пью повторительно молоко, — три недели, — и в заговение кончу. По-докторски это конклюдия (*завершение* — а. З.) лечения... от брайтовой болезни (*болезнь почек, когда в моче белок* — а. З.).

Здоровье мое исправно. Иногда приходит тревога и за левый глаз, и позывает сбегать куда-либо. Но леность подкашивает ноги.

Вы, небось, дивитесь — слыша: леность! леность! Избави, Господи, всякого татарина от этой немочи. Впрочем, иногда я даю этой сударыне очень невежливый подзатыльник. Но она хитра, и умеет опять подкрасться» [6, с. 150–152].

«Бегу в Тамбов — показать глаза. Один уж почти закрылся. Но спрошу, нельзя ли сделать операцию и, если можно, не время ли? Другой, чтоб посмотрели, нет ли в нем той же немощи?» [6, с. 153].

«Результат моей поездки — в Тамбов, с одной стороны грустен, с другой — немного утешителен. Грустное — что и второй глаз начал мутиться, утешительное — что можно делать операцию. В Москве сказали, что нельзя: глаз пропадет. А тамбовский доктор сказал, что можно; но что операции при таких катарактах, как у меня, чаще не удаются, чем другие. Вот почему и говорю, что не много утешительно. Самую операцию, конечно, надо делать в Москве, или в Питере. Но до нее еще годик-другой. Правый глаз еще наполовину только замутился; а надо, чтоб весь наполнился мутью, и тогда это будет созрелый катаракт. Я и ездил в Тамбов только за сведениями о положении глаз.

...Из Питера писали мне две барыни — то же об этом... у Пашкова все понятно, у нас — ничего. *Ничего* — много; а что много непонятного — справедливо. Предержащей власти следует об этом позаботиться, и уяснить богослужебные книги, оставляя, однако, язык славянский и чтения из Ветхого Завета на вечернях, Перевод с 70 толковников. Заведите об этом речь. Книги богослужебные по своему назначению должны быть изменяемы. Наши иерархи не скучают от неясности, потому что не слышат, сидя в алтаре. Заставить бы их прочитать службы, хоть бы на Богоявление!!!» [6, с. 154–155].

Упоминание нами об этом письме, датированном 13 января 1882 года, неслучайно. Начиная с 1879 года, епископ Феофан получал в Выше сведения о набиравшем силу в Петербурге движении евангельских христиан. Василий Александрович Пашков (1831–1902), известный петербургский аристократ, под влиянием проповеднической деятельности лорда Гренвилла Редстока (1833–1913), после отъезда последнего из России в 1878 году инициировал создание и возглавил «Общество поощрения духовно-нравственного чтения».

В Википедии в статье о нем сказано: «После религиозного обращения он посвятил себя христианскому служению. Известен обширной благотворительностью, а также финансированием организаций и отдельных миссионеров евангельского направления. Автор одного из первых системных догматических документов российских евангельских христиан — «Исповедания веры Пашкова» («Вероучения Пашкова»)… Пытался преобразовать в соответствии со своими убеждениями Русскую Православную Церковь изнутри, затем — объединить пашковцев и внешние по отношению к РПЦ движения баптистов, штундистов, меннонитов, молокан и новомолокан. За свою религиозную деятельность Пашков был изгнан из России и окончил дни в изгнании»¹.

Святитель Феофан очень пылко воспринял сведения о возникшем движении. В нескольких своих письмах он описывал проекты способов противодействия сектантам. Тема эта, как нам кажется, заслуживает отдельного освящения. Отметим лишь, что при своем отрицательном отношении к оппонентам, епископ Феофан видел и явно не замалчивал и отрицательные стороны тогдашней внутренней политики Синодального руководства Русской Церкви, недостатки архиереев и клира, а также несомненную жажду в народе *живого* свидетельства Церкви о путях ко Христу.

Опасаясь, однако, возможных проблем от Синода, в своих письмах святитель неоднократно просил Н. В. Елагина никогда не упоминать в этой связи его имени — ни в частных разговорах с епископатом, ни в общественных публикациях. Только горькие слова адресует он Елагину:

¹ См. сведения о нем: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Пашков,_Василий_Александрович_\(1831\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Пашков,_Василий_Александрович_(1831)).

«Ушинский пишет, что в числе побуждений к отпадению в штуду совратившиеся выставляют, между прочим, то, что у нас в церкви ничего не поймешь, что читают и поют. И это не по дурному исполнению, а потому что само читаемое — темно. Он пишет, что поставлен был в тупик, когда ему прочитали какой-то тропарь или стихиру и просили сказать мысль. Ничего не мог сказать: очень темно» [6, с. 155].

«...Богослужбные книги надо вновь перевести, чтоб все было понятно. Пашковцы кричат: у вас в церкви все непонятно; штундисты — тоже, да и из наших немало. Кто только станет вчитываться или вслушиваться — непременно кончает возгласом: «Да что-ж это такое?» Архиереи и иереи не все слышат, что читается и поется, сидя в алтаре. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это не почему другому, как по причине отжившего век перевода. И надо яснить перевод. Только чтения (выделено еп. Феофаном — а. 3.) — Паремии — отнюдь не по русской Библии уяснить, а по 70². Сейчас раскол. И я первый пойду...» [6, с. 158].

«Что наши собиравшиеся тузы сделали для Церкви?.. Попили, поели, поехали, поговорили, посетились — и разъехались. Будет очень скучно, если так. Книги церковные надо бы уяснить и вычистить. У греков ведь идет постоянное поновление Богослужбных книг. Я слышу Октоих. Очень, очень много у греков новенького. И в этом они молодцы. Иные службы у нас такие, что ничего не разберешь.

Еще. Пролог — по содержанию прелесть, а по слогу никуда не гожд — а все в ходу.

Еще. Есть Книга кратких поучений из Святых отцов — тоже прелесть. Все Святые отцы, из коих взяты статьи, переведены теперь на русский. А в церкви все читается в старом претемном переводе славянском. Что стоит обе эти книги исправить и поновить?» [6, с. 181–182].

Но говорить об этом без боязни навлечь на себя гнев всеильного Синода Вышенский затворник не мог...

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что, критикуя цер-

² См. нашу статью о первой части переписки; а также две статьи епископа Феофана о важности использования перевода Семидесяти: [10], [11].

ковное руководство, преосвященный Феофан и о себе никогда не пел дифирамбы:

«...Выша ждет своего нового преосвященного, вот-вот. Посмотрим, каков-то он. Если походит на меня, то хоть брось. Хуже меня не было еще архиерея на всем свете и во все времена. Предшественники его, а мои преемники были все молодцы» [6, с. 189].

...А между тем работа над переводом шла медленно. Вот письмо от 21 января 1881 года:

«Что делает Выша? Баклуши бьет. Письма в Санкт-Петербург... написала и залегла спать. Только переводом святого Симеона немного позаймемся и довольны. Последние слова Симеона (осталось 10) — верх совершенства духовного разумения. Ученая немчура ничего того не понимает. Оскудела разумением духовных вещей, упершись всею немецкою натурою в букву. А вот неученый православный одним поклоном дошел до какого разумения?» [6, с. 138].

А через 14–15 месяцев оказалось, что надо бы переделывать задним числом перевод для первого тома Добротолюбия:

«Посылаю вам Симеона святого последний выпуск, да мысли на каждый день (*что это? — невозможно, чтобы это был известный нам сборник «Мысли на каждый день года», т.к. письмо написано в 1882 году, а «Мысли...» календарно относятся к 1887 году — а. 3.*) [9], да 5 глав, и писем в Санкт-Петербург несколько.

Посмотрите, какая оказия! Когда собирали 1 том Добротолюбия и предлежало переводить Авву Исаию, а просили Афонцев поискать его на греческом, ибо он был у меня только на латинском у Миня, тогда не нашли. Но теперь нашли и списали для библиотеки своего монастыря. На днях и мне прислали. Стал сверять — и увы! Вижу, что надо сделать новый перевод. Латинский или вольничал, или иначе читал; довольно несходства, хоть оно не слишком крупно, но весь склад речи пойдет уж новый» [6, с. 157].

«...Что делает Выша? Спит сном непробудным. Понемножку шевелится, переводя вновь Исаию отшельника. Выходит долгая речь, а инде и мысли другие. Их перевод несостоятелен» [6, с. 159].

«В деревне! Прелесь! Дай, Господи, вам обновиться свежими стихиями сельскими.

Вы мне советуете отдохнуть. Припомнилась мне поговорка покойного о. Михаила (Монастырева): «Спишь-спишь, отдохнуть некогда». Это ко мне очень приложимо. А тоже и слово: отдохнуть.

...Что делает Выша? Все спит. И мочи ей нет от сна. Истомилась! Впрочем, сверяю новый перевод Аввы Исаии с переводом Паисия Величковского, который прислали мне добрые оптинские старцы.

Но жара такая, что, кажется, не грех полениться.

Будьте здоровы и веселы. Желаю вам нагуляться и наздоровиться — по самое горло, даже выше бороды и уса» [6, с. 162–163].

Параллельно появляются планы на иные сочинения; среди них много времени занимает изложение Евангельской истории.

«Отличие моей истории то, что в ней нет моих слов. Кроме главий. Оправдание порядка — все в слове к читателям, которое будет в треть ли четверть книги и стоит впереди особо³.

Если Бог продлит веку — размышления о событиях Святой истории, или беседы — будут после. В этой книжке ничего не решается, кроме: почему избран такой порядок событий» [6, с. 179].

Второй том Добротолюбия шел медленно; работа над ним продолжалась — по выражению епископа Феофана, «понемножку и в раструску» [6, с. 166], — до конца 1884 года, т.к. письмо о печатании его датируется 10 января 1885 года. Вот немногие упоминания об этом в переписке:

«Как вы провели время в деревне, — или еще и проводите?! Здорово ли? Глаза ваши — подкрепились ли от влияния зелени? Вы в последний раз жаловались на них.

Я все гулял, — и бил баклуши. Только пересмотрел толкование Пастырских посланий, коих печатание кончилось, и письма к

³ См. Свт. Феофан Затворник. Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами святых Евангелистов. М., 1885. В этом, первом издании, слово «К читателям» действительно предваряло текст «Евангельской истории». Впоследствии, например, в издании «Правило веры», М., 1997 года эта часть отнесена в конец книги и выделена в особый отдел: «О последовательности Евангельских событий. Историко-богословское исследование».

разным лицам — кое-что кончилось печатанием. Вероятно, скоро они и выйдут из обычной процедуры.

Следовало бы толковать Послание к Евреям, или собирать второй том Добротолюбия, или еще что — ничего не делается. Ленъ окончательно обуяла.

Помните, или знали ль Паисия Саровского — теперь игумена где-то в Казанской епархии? Он издал рассказ странника, искавшего молитву Иисусову. (Может быть, я про это уж сказывал вам? — забыл). И мне прислал. Я эту книжку поправил и дополнил, и послал для второго издания. (*Эта книга — «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» — а. 3.*) [3].

...Ушинский для операции зовет в Киев. Там будто окулист есть — первый во всем свете. Я еще ничего не решил. Время терпит. Катаракта еще не созрела.

Знаете, что приходит на ум? не делать операции; а так и остаться.

Ведь московский окулист сказал, что нельзя делать операции. Меня отчасти и берет страх» [6, с. 164–165].

«Вот я и свободен стал. А писать все же не хочется. Взаясь за Добротолюбие, о коем докучают непрестанно Афонцы. И святого Кассиана уже приготовил, то есть выписку из него. Сам он весь требует нового перевода. Но сие предлежит совершить последующим родам.

...Спрашиваете: глазки — глазки! Видите, как пишу? Следовательно, есть чем смотреть. А когда есть — что хлопотать? Правый глаз, кажется, созрел. Но ведь и последняя линия созрения может проходить несколько месяцев, когда все время созревания тянулось лет 5–6, если не больше.

Я как только вздумаю про операцию, — волос дыбом становится. Потому нет ничего дивного, что не буду делать операции. Один доктор уж решил, что нельзя. Я этому очень рад.

Но ведь жить-то сколько осталось? День-другой и конец. Из-за чего же я буду себя тиранить? Это меня всегда останавливает от порывов резаться. Впрочем, подождем, что еще покажет настоящее время» [6, с. 169–170].

«Сижу теперь над вторым томом Добротолюбия. И чую, что теперь это делается с тяготою, тогда как *первый* живо был смастерен.

Кассиан святой и пресвитер Исихий — кончены. Течет преподобный Нил премудрый. Пред святым Кассианом надо поместить извлечения из святого Ефрема. Он — начало. Конец — Исаак Сирианин. И все, кои между ними, все хоть понемногу, войдут в сей том» [6, с. 172].

«Глаза берегу. Они не болят, потому и лекарств для них нет. Гибнут — дондеже погибнут. Увы!» [6, с. 174].

«Второй том Добротолюбия печатается. Половину присылали для просмотра. Опять много ошибок. Жду конца. Выйдет книжка пузатенькая: она все о борьбе со страстями.

А с Афона старцы прислали „Невидимую брань“ Никодима Агиорита, предлагая перевести. Пробежал. Идет. Можно перевести.

..Голова моя ослабела, и своего писать почти совсем потеряла способность (выделено еп. Феофаном — а. 3.). Верно, пришла пора. 8-го января мне стало 70 лет. Можно и залечь — и спать непробудным сном. Но никак не утерпишь — все копать хочется. И сколько загадок!

...P.S. Про „Невидимую брань“ — не помните ли, была у нас давно-давно и ходила по рукам — с такою надписью переведенная с латинского книга. Желалось бы взглянуть на нее. Никодим, может быть, ее переделал. У него в надписи значит: «составлена неким премудрым мужем, ныне, и прочее» [6, с. 182–183].

Весь 1885 год епископ Феофан переводил «Невидимую брань». В это время в письмах появляются заметки с планами противостояния учению графа Л. Н. Толстого:

«Еще главок пяток перевести и „Невидимая брань“ кончится. Что дальше будет делать Выша, она и сама не знает. Есть еще одна вещь достойная печати. Может быть, за нее возьмусь. А то не дивно, что стану драться со Львом (*Толстым* — а. 3.).

...Собираетесь, или иногда приходит мысль махнуть на Афон. Сделайте себе Афон из своей хаты. Кто ваш указ. Сами себе хозяин, можете и на голове ходить, и головою стучать в пол, кладя поклоны. От мира можно спрятаться, а от себя и от врага куда спрячешься? Только в лоно Божие. А оно всюду доступно» [6, с. 190–191].

«Перевод „Невидимой брани“ кончил. Будет книжка благо-

потребная. Сия книга была уже у нас в переводе с иностранного. Старец Никодим во многом поисправил ее, а Вышинский-бедотворец, и еще тем паче. Многие главы пришлось заново составить.

Теперь еще подобную же книжку взялся перевести. Кончу ли? Спросите, куда собираюсь? Во мрак и тьму. Ибо и последний глаз едва ли продержится следующий год» [6, с. 192].

«В настоящее время меня занимает вопрос, писать ли против Толстого. Пишут уж — стало, можно не писать. Но пишут очень протяжно, и дело походит на басню Крылова „Кот и повар“. Мне и приходит в голову выбрать измышления Толстого — все; и потом против них поставить исповедание веры святой Церкви и пустить в ход. Это будет краткое обозрение вражеского стана и православного воинства. В предостережение, а то зло потихоньку распространяется, а оклика: „берегись“ — не слышно.

Вся беда за леностию. Так она меня обуяла, что и пальцем пошевеливаться нет охоты.

Пошли, Господи, ретивых деятелей!..

...P.S. Мне доставили, наконец, критику догматики преосвященного Макария, изделия Толстого. Дрянь дрянью. А поди, небось, читают, присмакуючи» [6, с. 194].

С 1886 года идет работа над переводом третьего тома Добротолюбия. Здоровье святителя ухудшается. Он спешит с переводом, ибо начинает сомневаться в возможности закончить его:

«Корпаю третий том Добротолюбия. Скоро, кажется, кончу. Я было хотел особою книгою святого Максима исповедника выпустить, но раздумал. Его-то и перевожу. В Добротолюбии из него — 4 сотни О любви, 2 сотни О богословии, 5 сотен О добродетелях и пороках, и Толкование молитвы Господней, 1100 изречений или глав. Есть премудрые. Но есть непонятные. Тут поневоле поднимаешься на хитрости. Как кончу его, так и томик составится, опять толстенный.

Едва ли доведу до конца Добротолюбие. Глаз хиреет. Заметно. Но все еще ложки мимо рта не проношу.

Над «Невидимую бранью» старухи знакомые расчувствовались до упаду. Есть еще у меня подобная книга. И начата переводом. Но разлеился и бросил.

Следовало бы старинный метод врачевания сей болести употребить. Но благодаря прогрессу, и докторов таких не найдешь. Острастки нет — вот и лежи, лениве!

Желаю вам всякого благополучия и телесного, и душевного, и временного и вечного» [6, с. 195].

С конца 1886 года святитель пытался лечиться особой водой барона Вревского (*мошенник, застрелился в 1915 году после того, как врачами-химиками было в печати публично подтверждено, что все три нумера его весьма дорогостоящей целебной воды — это вода из Невы... кстати, этими же каплями с надеждой лечил катаракту во второй половине 1895 года за год вплоть до самой своей смерти архиепископ Тверской Савва, о чём писал в письме Варваре Иордан — жене художника Федора Иордана. — а. З.*), что было тогда модно. Но, как теперь всем понятно, безуспешно.

За переводами и хлопотами о здоровье епископ Феофан не пропускал и события общественной жизни в обществе:

«Слышу, что Святейший Синод юбилей желает устроить в следующем (1888 — а. З.) году, в ознаменование 900-летия Святой Церкви у нас. На память о сем будто хотят издать жизнь святого Владимира и акафист ему — с картинками. О сем и речь у меня к вам. Жизнь и акафист не худо. Но мало для такого великого юбилея и такими великими лицами совершаемого. Надо познательнее что-либо. Предлагаю с своей стороны — определить вновь перевести богослужебные книги — все. К юбилею же приготовить одну какую-нибудь, например, Октоих, или Цветник, Минея праздничная. Или еще что. Когда будете писать к предржащим, напомните о сем. Ныне-завтра надо же это сделать. Почему не приурочить этого к такому событию? Сделайте это, пожалуйста» [6, с. 200].

Горькие мысли июля 1888 года; этот и начало 1889 года — работа над переводом 4-ым и 5-ым томами:

«Горько-то горько, что творится у нас среди мыслящих. Все ум потеряли. Философские воззрения не в ходу, руководятся ветром навеваемыми началами. Святая вера отодвигнута на задний план. И даже богословствующие потеряли настоящие основы богословствования православного, и все смеются.

И Господь, кажется, отвратил очи Свои от нас и не посылает де-

лателей. Сколько раз я порывался кричать, но ничего не идет из головы. Может быть, и другие то же испытывают. Не оставление ли это Божие? Боже, милостив буди!

...Но что напечатано про Толстого, то заставляет удивляться, как доселе оставляют душегубствовать этому безумцу. Он зловреднее всех, ибо распространяет свое злоумие секретно. Спаси нас, Господи!

...Вы хорошо делаете, что ратуете по силам. У меня совсем нет мужества, хоть задор и нападает иной раз. Я буду жужжать келейно, что Бог посылает.

Книги мои все приняты афонцами. Они и далее печатать будут с небольшою платою. Теперь идет у них 3 том Добротолюбия. Еще немножко и будет готов 4 том. Все — поучения святого Феодора Студита. Перечитываю. Кончу, и возьмусь за 5 том. Сюда войдет все, что есть в греческом Добротолюбии. И конец» [6, с. 206–207].

...Прошло три месяца; конец 1888 — начало 1889 годов. Работа над 5 томом идет полным ходом:

«Что я делал во все время молчания? Конечно — и спал, но и бодрствовал. У афонцев на руках два новых тома Добротолюбия, из коих один печатается, а другой только переписывается. Между тем готовится еще том последний. Какие мудреные статьи. Мудреные по языку, но премудрее по содержанию. Несколько глав пропустил, по непонятности их — у Никиты Стифата. Теперь Григорий Синаит, тоже мудренейший и премудрейший. Скоро конец. Что-то даст святой Палама? И аминь! Тогда залягу и буду отдуваться, как взлезавший на Синай или на Афонский пик. Но делать никаких позывов нет. Иногда думается, взял бы Псалтирь, и из всякого псалма написал книгу, как 33-й и еще паче — 118-й. А то Евангелие.

Голова моя ослабела, и энергия обычная пропала. Хоть трава не расти. А глаз что? Слабеет заметно, но все еще добре служит. Даль закрывается. Там уже ничего различать не могу.

Вот вам и все мое! Помышления мои стали почасту заглядывать в могилу. Это не к худу.

Вы должны отмстить мне — полным описанием своих подвигов. Вы действуете на тело Церкви и общества» [6, с. 207–208].

«Виноват опять, что так долго не отозвался на ваше последнее письмо, хоть все собирался. Имею большой предлог к лени, именно тот, что спешу докончить Добротолюбие. Лучше сказать: хочу спешить, но не спешится. Потому что очень мудрена фразеология святых отцов. Думал, что легче будут Каллист и Игнатий. Нет, и они не легче. Иной раз один пунктик только и успеешь переложить. Впрочем, за нами не гонят. И не спеша дотащимся до конца» [6, с. 209].

«У меня куча дел. Перечитываю переписанный 4-й том. Весь будет из писаний или из бесед святого Феодора Студита. Какой дивный отец! Какая живая душа. Как он живописует общежительство, его достоинства, труды и цену пред очами Божиими!

У вас нет новостей. А у нас и подавно. Монахи огонь в кухне залили и столовую заперли (*Видимо, началась 1-я седмица Великого поста* — а. 3.). Нынче еще ничего, а там животик-то подведется. А все терпят, все терпят! Спаси их, Господи!

Что-то я хотел у вас спросить, да забыл. Я вам не сказывал новость, что я забываю слова, выпадет из памяти и не припомнишь. Я встречал такого старца грека митрополита, с которым всегда хаживал его послушник, и тот подбирал ему слова: не это ли? не это ли? Пока нападал на желанное. Если я с ума сойду, то вероятно от беспамятства: буду сидеть, посматривать, шевелить губами, и подбирать, а все-таки ничего не сказать» [6, с. 210–211].

Наконец письмо от 21 апреля 1889 года возвестило адресата об окончании перевода Добротолюбия:

«А у меня трехдневный звон — ради окончания Добротолюбия. Пятый том кончен и приготовлен к отправке в Москву для переписи, и ждет только, когда откроется дорога, езжая в город. Мы залиты с начала пятой недели.

4-й том пошел в цензуру. 3-й отпечатан и лежит в Шацке, тоже ожидая дороги.

Можно мне теперь немного отдохнуть. И отдыхаю: пересматриваю и делаю заметки — на Страсти Господни, с выхода от Тайной вечери до положения во гроб. А потом, может быть, и напишу что-либо для чтения на Страстной. Семь чтений, или без всякой формы, только отсюда досюда, обще.

Занятие легкое, но приятное.

Что дальше буду делать, не знаю. Может быть, спать.

Каково мое здоровье? Общее хорошо, и глазное пока терпит. Глаз слабеет в зрении, хоть очень медленно. Судя по медленности, можно подумать, что он закроется в час смерти. Стало быть, охоть нечего.

Желаю вам быть здоровым и благодушествовать во всю вместимость вашего сердца» [6, с. 211–212].

Вскоре святитель загорелся желанием вступить в обсуждение вопроса «как поправить дело иноческое» [6, с. 231]. Для этого он переводит «выборки» из творений преподобного Феодора Студита. Жалобы на «леность старческую» учащаются; творческая энергия преосвященного Феофана уходит, «и все подходит ближе и ближе...» [6, с. 228].

«Выборки из святого Феодора Студита с переводом идет, хоть очень лениво. Скажу: се вещь самая необходимая. У нас о монашеской жизни есть уроки, с высока; а наставления об обиходной жизни монастырской нет. Святой Феодор на высоту почти не заходит, а ходит по монастырю, на всякую мелочь дает урок одухотворять ее. Из всего я ничего не пропускаю. Жаль вот что: исправных рукописей нет; кажется, их и не было. Много встречается слов непонятных, — и мыслей таких же. Но будет с нас и того, что есть, и понятно» [6, с. 213–214].

«Вы меня восхитили вестями о плодах моих книжек. Уж шампанское кипело-кипело в голове и груди! Насилу притянул память о грехах, и как водою залило весь этот хвалышный пыл» [6, с. 216].

«Все собирался отвечать вам и не собрался доселе. Отчего? Крайне занят безделием. Испытывали вы когда-либо эту ведьму?! Нет? — и избави вас, Господи! Приходится, верно, мне найти некое бездельное дело, которое содержанием богаче всех дел» [6, с. 217].

«Пастырское Богословие хорошо написано. Его хорошо бы перевести. И я с первого раза рванулся, но потом благоверная моя стала поперек. Впрочем, если достанет у меня смелости дать ей подзатылень, может быть и возьмусь. Едва ли, однако ж» [6, с. 218–219].

«Указатели к Добротолочию начал. Но сии дела немного отвлекли. К каждому тому будет особый указатель.

Хотите что-нибудь сказать о книгах Добротолюбия. Не будет худо. Но если лень старческая одолевает, можно обойтись и без этого. Однако Бог в помощь на это.

Вам 77-й, а мне с генваря 76-й пошел. И запишемся в старики.

Глаз мой последний иногда застилается. Верно, к концу подходит. Прочее здоровье в порядке» [6, с. 219–220].

«Чаєте многого от св. Феодора, а он даст не многое, но зато такое, чего никто не даст. Внутренней жизни у него только общие очерки, или перечисление подвижнических добродетелей. Главное у него порядки монастырской жизни. И у него тут все святые — и привратник, и сапожник, и хлебопек, и пахарь, и столяр. И цель у него та, чтоб все лица монастырские, исполняя послушания по виду житейские, по духу делали сие послушание путем в Царствие. И он часто перечисляет всех — прихваливает. Я опускал это, но раза два внес в выбираемое мною.

Дивно! Как он, говоря всегда почти одно и то же, говорит так, что повторение почти незаметно.

У меня дело с ним пошло шибко: второй том кончил, — и третьего половину. Поспешаю порешить с ним.

Праздник на дворе. Поздравляю вас передним числом, чтоб не пришлось поздравлять задним. Даруй вам, Господи — всего доброго побольше, — и внутренне и внешне».

«Виноват большою виною, что не отвечал вам на последнее письмо с поздравлением и благожеланиями. Но подождите бранить. Я представлю вам такую причину, что ваш укор пересечется на полслове. Вот причина! Без просыпа лежал на поучениях святого Феодора Студита — ноябрь, декабрь и январь. Только что кончил. Всего будет такая же книга, как Добротолюбие. И я полагаю издать сии поучения, не как поучения, а как наставление монахам, определив на них четвертый том Добротолюбия; очень уже теперь достается старцам афонским.

Третий том Добротолюбия в переписке набело лежит предо мною, и ожидает перечитывания, которое и начнется завтра. По окончании сего перечитывания начнется заготовка *пятого*, конечного тома Добротолюбия, в который войдет все, что еще остается в греческом Добротолюбии; и если сего окажется слишком много, — то в сокращении.

А затем — зубки на полку!!!» [6, с. 227–228].

В одном из последних своих писем к Н. В. Елагину святитель Феофан пишет, как нам кажется, знаменательные слова, относящиеся по большому счету не только к монашеству, а и к самым широким слоям своих будущих читателей и почитателей:

«Писания разъясняют дело, а сама история течет своею дорогою. Из монахов никто ведь не хочет губить душу свою; только дело спасения отлагает до завтра; живет же, как живется, хоть и нераспущенно, но и не самоотверженно. В сем корень зла. Чем монахов заставить встрепенуться? В сем главное врачевство» [6, с. 230].

С вопросом о монашестве возникла у епископа Феофана мысль о надобности издать отдельно и когда-то приготовленные переводы Древних иноческих уставов. Это письмо, датированное 26 марта 1891 года, является последним к Н. В. Елагину, ибо последний через полгода скончался. Выход книги, как мы указали в начале нашей работы, состоялся через год, в 1892 году.

«Полагаю, что если состоится возбуждаемое вами внимание к обителям, вопрос об уставе неизбежно будет входить в разбирательство. Взавшись за разработку устава, должны будут пересматривать древние уставы. Это заставило меня вытащить из хлама давно изготовленные мною уставы. Помните, что для второго тома Добротолюбия обещаны были уставы. Я и заготовил их. Как тогда раздумали их вносить в Добротолюбие, то они остались до времени без движения. И вот теперь мне показалось благовременным стряхнуть с них пыль, пересмотреть и издать. Что я и делаю, т. е. пересматриваю. А издание сделают афонцы. У нас уже были об этом речи с предержажими афонцами.

Приготовительные уставы: Пахомия Великого, Василия Великого, Иоанна, Кассиана, и Венедикта. Афонцы еще предлагают взять устав Саввы Сербского. Прошу их прислать. Из всех их можно заимствовать богатый материал...

Видите, какое богатство пособий!» [6, с. 232–233].

Вместо послесловия.

Через полгода; из письма другому лицу:

«Мое здоровье терплю. Книготворчество кончается совсем. Перечитываю уставы монашеские; и когда перечитаю — конец. Вот спанья-то будет!!! Слышу вопросы, когда же будет истолковано

Послание к Евреям. Но никакого позыва не имею к писательству. И кажется, что толкование это останется ненаписанным, хоть это очень жаль. Прежде бывали позывы писать что-нибудь. Сядешь и напишешь, — а теперь ничего такого не бывает; оттого и не пишется ничто» [6, с. 240].

...Скончавшийся 30 октября 1891 года Николай Васильевич Елагин был похоронен на кладбище Новодевичьего в честь Воскресения Господня женского монастыря Санкт-Петербурга. Могила его утрачена...

...Неоднократно упоминавшееся в переписке Толкование на Послание к Евреям святитель Феофан так и не закончил...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Древние иноческие уставы пр. Пахомия великаго, св. Василия великаго, пр. Иоанна Кассиана и пр. Венедикта, собранные епископом Феофаном. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1892.

2. *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань. Перевод с греческого святителя Феофана Затворника. Сибирская благовонница, М., 2010.

3. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу, написанные слышавшим, по убеждению следующего изречения в слове Божиим: «Тайну цареву добро есть хранить, дела же Божия открывать славно» (Товит. XII, 7). Изд. 2-е игумена Паисия, настоятеля Михайло-Архангельского Черемисского мужского монастыря. Казань, 1883.

4. *Пентковский А. М.* Кто же составил Оптинскую редакцию Рассказов странника? // Символ. Paris, 1994. № 32.

5. *Пентковский А. М.* Кто написал «Откровенные рассказы странника» // ЖМП. М., 2010. № 1.

6. Собрание писем святителя Феофана. Выпуск седьмой. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1900.

7. *Феофан Затворник, свт.* Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами святых Евангелистов. М., 1885.

8. *Феофан Затворник, свт.* Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами святых Евангелистов. «Правило веры», М., 1997.

9. *Феофан Затворник, свт.* Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. Краткие поучения. М., 2013.

10. *Феофан Затворник, свт.* О нашем долге держаться перевода 70-ти толковников. (Электронный архив azbuka.ru)

11. *Феофан Затворник, свт.* По поводу издания священных книг Ветхого Завета в русском переводе. (Электронный архив azbuka.ru)